

ГЛАГОЛ В СТРУКТУРЕ «САДИСТСКОГО СТИШКА»

«Садистский стишок» как жанр современного школьного фольклора активно изучается на протяжении двух последних десятилетий. Множество исследований, фольклористические монографии (Тыркова 1997, Мутина 2005), диссертации (Кучегура 2000, Мутина 2002, Власова 2006) – вот неполная библиография научных трудов, посвящённых этому своеобразному жанру.

Исследователи «садистских стишков» давно говорят о настоящей потребности в «учёте и систематизации фольклорного материала» [1, 557] и «предпринимают попытки классификации произведений данного жанра» [4]. На сегодняшний день уже подробно описана содержательная составляющая «садистских стишков», раскрыта психологическая мотивация его бытования в подростковой среде, проанализированы композиционные модели и другие элементы поэтики жанра. Так, А. Ф. Белоусов распределяет стишки на несколько групп, выделяя сюжеты, связанные с обретением героем вредоносного предмета, с запретными играми персонажей, с пребыванием в опасном для главного героя локусе (улица, стройка, крыша) и т. д. [1, 546–547]. К. К. Немирович-Данченко, в свою очередь, выделяет три доминантные тематические типа стишка: первый связан с получением увечий или смертью более слабого персонажа от рук более сильных и взрослых персонажей, второй – с уничтожением самим главным героем других персонажей, третий – с губительным действием «неперсонифицированной негативной силы», которая становится причиной гибели героя, нарушившего некий запрет [5, 126]. Однако универсальной классификации, основанной на непосредственном анализе структуры «садистского стишка», его морфологии, до сих пор не создано. Как пишет в своей книге М. Л. Лурье: «Единственная на сегодняшний день попытка последовательного структурного анализа стишков, не сбивающегося на выявление идеологических доминант, поиск интертекстуальных связей, социально-психологические интерпретации и проч., была предпринята А. Лысковым [Лысков 2003]» [3, 306]. Остановимся подробнее на данном труде.

В статье «О систематизации “садистских стишков”» А. Лысков предлагает классификацию фольклорного материала, основанную на разнообразии методов создания в них комического эффекта. Исследователь «разбивает» стишок на следующие структурные компоненты: причина действия (ПД) /*Мальчик-рахитик на лодочке плыл*/; образ действия (ОД) /*дед Афанас пулемет раздобыл*/; процесс действия (ПР) /*выстрел раздался*/, результат действия (РД) /*мальчик лежит*/, оценка действия (ОЦ) /*больше не мучает парня рахит*/. Как пишет автор, эти элементы «являются своего рода кирпичиками в процессе создания комического эффекта отдельно взятого “стишка”» [4]. Анализируя варианты компоновки и форму выражения данных элементов, автор выделяет основные композиционные и стилистико-

смысловые способы создания комического эффекта в «саdistских стишках», среди которых:

- быстрое противопоставление «Причина-Результат»,
- быстрое противопоставление «Причина-Образ действия»,
- дефабуляция,
- неадекватность оценки событий рассказчиком (автором),
- поэтизация процесса действия и др.

Стоит отметить, что А. Лысков, предпринимая попытку описания морфологии «саdistского стишка», всё же отдаёт предпочтение идейной составляющей. Так, в качестве основных признаков названных элементов выступают такие абстрактные понятия, как «отсутствие необратимой аномалии» (главный признак ПД), «появление необратимой аномалии» (главный признак ОД), «переход героев из одной субстанции в другую» (главный признак ПР) и т. д. Свою классификацию А. Лысков применяет к 121 стишку из сборника «Русский школьный фольклор», распределяя тексты по выделенным способам создания комического эффекта [*1].

В данной статье мы попытаемся «подкрепить» классификацию А. Лыскова, являющуюся на сегодняшний день наиболее объективной и универсальной, некоторыми лингвистическими наблюдениями. Проанализировав всё тот же 121 стишок из сборника «Русский школьный фольклор», мы пришли к выводу, что языковой основой «саdistского стишка» является глагольная лексика. Приведём простые статистические данные: на 121 стишок приходится 400 глаголов (напомним, чаще всего эти произведения измеряются одним четверостишием или двустишием), из 121 стишка в 80-и присутствует глагольная рифма, глагол может организовывать *любой* из выделенных Лысковым элементов стишка:

*Мальчик-рахитик на лодочке **плыл** (ПД).*

*Дед Афанас пулемет **раздобыл** (ОД).*

*Выстрел **раздался** (ПР), мальчик **лежит** (РД).*

*Больше **не мучает** парня рахит (ОЦ).*

Компонент «Причина действия» чаще всего организуют глаголы, принадлежащие к трём лексико-семантическим группам:

- 1) к ЛСГ глаголов поиска объекта:

*Маленький мальчик бумажку **нашёл**...*

*Девочка Маша кинжальчик **нашла**...*

*Дедушка в поле гранату **нашёл**...*

- 2) к ЛСГ глаголов перемещения в пространстве:

*Маленький мальчик **залез** в холодильник...*

*Маленький мальчик по крыше **гулял**...*

*Маленький мальчик **бежит** по дорожке...*

*Маленький мальчик по стройке **гулял**...*

*Маленький мальчик на вишню **залез**...*

- 3) к ЛСГ глаголов несерьёзного поведения:

*Дети в подвале **играли** в Гестапо...*

*Дети на крыше **играли** в Гастелло...*

*Маленький мальчик кошку **дразнил**...*

Как видим, языковой материал подкрепляет классификацию А. Белоусова.

Компонент «Образ действия» характеризуют глаголы, относящиеся к самым разнообразным лексико-семантическим группам (сам компонент неустойчив, вариативен):

1) к ЛСГ глаголов перемещения в пространстве:

*...В портфель положил и школу **пошел**...*

*...Сунул в карман, к сельсовету **пошел**...*

2) к ЛСГ глаголов произнесения:

*...«Это игрушка», – **сказал** ему дед...*

*...«Дерни колечко!» – ей папа **сказал**...*

Вариативность «образа действия» говорит о второстепенном значении данного элемента. Об этом свидетельствуют и двустишия, в которых он нередко опускается:

*Дети в подвале **играли** в больницу,*

***Умер** от родов сантехник Синицын.*

«Процесс действия» обычно конкретизируется в глаголах, принадлежащих к ЛСГ глаголов восприятия:

*...**Раздалось** два выстрела...*

*...Выстрел **бабахнул**...*

Компонент является самым редким в силу природы стишка, в котором действие обычно происходит мгновенно. «Процесс действия» как структурный компонент может заменяться эллиптической конструкцией или иносказательным оборотом:

...Раз табуреткой!...

...Не было крика и не было стона...

*...Голос строителя в крике **охрип**...*

Но чаще всего он просто отсутствует.

Элемент «результата действия» распространен достаточно широко. Им описывается вся гамма последствий действия. Обычно его представляют глаголы, принадлежащие ЛСГ перемещения в пространстве:

*...Долго по комнате пепел **летал**.*

Или к ЛСГ глаголов бытия:

*...Больше в деревне никто не **живет**.*

Важно отметить, что глагол «умер» в «результате действия» нам встретился лишь в двух случаях из 121 (гибелью персонажа оканчиваются почти все стишки). Следовательно, можно сделать вывод о том, что имплицитное указание о смерти героя – также один из главных атрибутов стишка.

Компонент «Оценка действия» чаще всего выражается глаголами, относящимися к ЛСГ глаголов проявления эмоционального состояния:

...Долго **смеялась** над ним детвора...

...Долго **смелись** над шуткою гости [*2].

Выявление в последующих исследованиях универсальных ЛСГ (глаголы нахождения для ПД, глаголы эмоционального состояния для ОД, глаголы перемещения в пространстве для любого из уровней и др.) и функций, которые выполняют глаголы этих ЛСГ в формальном и смысловом отношении должно в будущем стать фундаментом для составления морфологической классификации «садистского стишка», так как ясно, что далеко не последнюю роль в том, что «садистский стишок создал оригинальную жанровую модель – модель чрезвычайно компактную, интонационно ёмкую, формально стабильную и вместе с тем прозрачную, а потому чрезвычайно привлекательную и удобную для конструирования новых и новых текстов» [3, 306–308], сыграло его глагольное наполнение. Спросите у подростка: «Что такое садистский стишок?» Вполне вероятно, что ответ не будет затрагивать ни экзистенциальную теорию «страха жизни» Кайзера, которую изложил в книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» М. М. Бахтин, ни элементы пародирования текстов и интонаций советской поэзии, ни вопросы полемики с вопиющей окружающей реальностью и т. д. Ребёнок ответит: «Это стишок про маленького мальчика/девочку/дедушку/бабушку, который что-то **нашёл**/что-то **сделал**/куда-то **пришёл**, и с ним **произошло** что-то плохое». Дело в том, что мотивы бытования и психологическая привлекательность жанра носителем фольклора часто могут и не осознаваться, но при построении/воспроизведении новых и новых текстов глагольное наполнение не может не учитываться.

ПРИМЕЧАНИЯ

*1. Тексты, опубликованные А. Ф. Белоусовым, являются уникальными, т. к. они представляют собой записи, сделанные в конце 1980-х гг.

*2. В работе использованы материалы словарных статей Учебного словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов» / Под общей редакцией Т. В. Матвеевой. Свердловск, 1988.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов, А. Ф. Садистские стишки / Предисловие и публикация А. Ф. Белоусова // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / сост. А. Ф. Белоусов. М., 1998.
2. Лойтер, С. М. Современный школьный фольклор: Пособие-хрестоматия / С. М. Лойтер, Е. М. Неёлов. Петрозаводск, 1995.
3. Лурье, М. Л. Садистский стишок в контексте городской фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое / М. Л. Лурье // Антропологический форум. – 2006. – № 6.
4. Лысков, А. О систематизации «садистских стишков» / А. Лысков // Парадигмы: Сб. статей молодых филологов / отв. ред. Ю. В. Доманский. Тверь, 2003.
5. Немирович-Данченко, К. К. Наблюдения над структурой «садистских стишков» / К. К. Немирович-Данченко // Школьный быт и фольклор: Учебный материал по русскому фольклору / сост. А. Ф. Белоусов. Таллинн, 1992. Ч. 1.

